

отнял, а у кого деревня добра, ин отнял да отписал на великого князя ю, а кто будет сам добр, боярин или сын боярьской, ин его самого записал; а иных его чудес множество не мощно исписати, ни исчести, понеже бо во плоти суще цьяшос»¹. Последнее слово написано тайнописью (так называемой «простой литореею») и означает «дьявол». Вот, следовательно, какого чудотворца записал Е. Е. Голубинский в списки русских святых. Произошло это потому, что поздний летописец подвергал такой жесткой цензуре предшествующий текст, что смысл его не мог понять и весьма скептический Е. Е. Голубинский. То, что перед нами не простое сокращение текста, а именно его цензура, ясно, я думаю, и без особых объяснений: иронический смысл остался, но запрятан он очень глубоко.

Другой случай и другой тип цензуры может быть указан в Синодальном списке Новгородской первой летописи под 1332 г. Здесь читается: «Иван [Калита] приде из Орды и възверже гнев на Новъгород, прося у них серебра закамьского, и в том вся Торжек и Бежичьский верх за новгородскую измену». Однако слова «за новгородскую измену» написаны по выскобленному, а первоначально, как это видно из чтений других списков Новгородской первой летописи, в ней стояли слова: «через крестное целование»². Это означает, что новгородец-летописец обвинял Ивана Калиту в нарушении крестного целования, москвич же «цензор», в руках которого побывал в конце XV или, может быть, в начале XVI в. Синодальный список, обвинил самих новгородцев в измене, выскоблив обвинения против Калиты. Весьма возможно, что тот же москвич оторвал в Синодальном списке первые 15 тетрадей, где находились новгородские предания о начале Новгорода и Русского государства и знаменитые Ярославовы грамоты, которыми новгородцы обосновывали свою независимость³.

Работа писца по нескольким оригиналам

Было время, когда текстологи считали, что у писца рукописи был перед глазами только один оригинал, что писец переписывал его «не думая», не сличая с другими рукописями и не производя никакой его проверки. А. А. Шахматов практически в своей работе над текстами летописей опроверг это мнение. Однако уже после смерти А. А. Шахматова С. А. Бугославский, критикуя текстологическое исследование А. А. Шахматова «Повести временных лет»,

¹ Ермолинская летопись. — ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910. С. 157–158. — Возможно, что слова «Иоанн Огафоновичь Сушей, созиратай Ярославьской земли» следует читать так: «Иоанн Огафоновичь, сушей созиратай Ярославьской земли».

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под редакцией и с предисловием А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 99.

³ Д. С. Лихачев. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 года. — Исторические записки, № 25. М., 1948. С. 264–265.

категорически отрицал возможность такого рода работы древнерусского книжника. С. А. Бугославский писал: «По Шахматову, почти каждый редактор переписчик свода, копируя свой основной источник, сверял его с другим сводом, вбирал то из одного, то из другого своего источника не только статьи и фактические данные, но отдельные фразы, слова, даже орфографию слов. Такой взгляд на метод работы летописца представляется нам модернизацией; он напоминает скорее кропотливое сличение текстов, подведение вариантов, выполняемое современными филологами, чем творчество летописца»¹.

Этот взгляд С. А. Бугославского неверен. Он опровергается знакомством с русскими и иностранными средневековыми рукописями.

А. Дэн обращает внимание на то, что средневековый переписчик, составляющий официальный экземпляр и имеющий в своем распоряжении несколько рукописей, мог выбирать необходимое чтение среди разных. Составляемый им список становится своеобразным «*editio variorum*»². О том же, еще до А. Дэна, писал на основании папирусных находок П. Колломп³. Своеобразными текстологами были и древнерусские книжники. Древнерусские книжники придавали очень большое значение выбору оригинала или оригиналов, с которых надо было списывать текст. Это было важной задачей для писца, в которой соединялись его различные требования: идейные и стилистические, представления о правильном тексте, о доверии, которого заслуживала та или иная рукопись, и т. д. Работа эта сопутствовалась археографическим, историческим и филологическим разысканиями.

В Древней Руси делалось большое различие между списками старыми и новыми, исправными и неисправными, ценились рукописи, вышедшие из определенных мастерских, и т. д. Московский великокняжеский летописец говорит, например, что князь Юрий Дмитриевич Галицкий добивался стола «летописци старыми списками»⁴. Другими словами, древность рукописи имела юридическое значение даже в вопросах государственной важности.

В рукописи Новгородской второй летописи (по сборнику Архивскому или Малиновского) имеется следующая приписка на л. 53: «В лето 7000 восьмьдесятого (1572), месяца февраля в 5, вторник, а служил того дни в монастыри на Лисьи горе обидню и смотрил в монастыри книги летописца церковнаго, а сказывали, что летописць Лесицкий добри сполна, ажо не сполна, развие написано в летописце в Лесицком владыки навгороцькые, не вси сполна, писаны, развие до владыки Еуфимия Навгороцького; а смотрил в кельи у старца у келаря у Деонисья»⁵.

¹ С. А. Бугославский. «Повесть временных лет» (списки, редакции, первоначальный текст). — В кн.: Старинная русская повесть. Статьи и исследования, под ред. Н. К. Гудзия. М.; Л., 1941. С. 12.

² А. Dain. Les manuscrits. P. 126.

³ P. Collomp. La critique des textes. Strasbourg, 1931, глава «Les papyrus et la critique textuelle». P. 82 et sqq.

⁴ Сименовская летопись. — ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913. С. 172.

⁵ Новгородские летописи. Издание Археографической комиссии. СПб., 1879. С. 111–112.

Приведу несколько высказываний писцов, удостоверяющих, что перед их глазами был не один оригинал, а несколько: «А писана (данная рукопись¹. — Д. Л.) не с единого списка, но с различных добрых переводов»; «А писана сия святая книга Апостол Толковый² с добрых переводов честных монастырей Каменского и Павловского и Корнилиевского; а трудов и потов много положено, как правили сию святую книгу»; «Писах же с разных списков³ тщася обрести правая; и обретох в списках оных многа не исправлена. Поведаю же и се, откуда изысках многа списки. Бе бо в велицей обители сей инок, именем Антоний, православен, божественная писания чтый и мыслене потяся к разумению сих и по премногу тщателен к сих исправлению, ему же поручена служба — многостяжательная божественных книг... книгохранительница. Той же богомудрый инок — хождаше в многобогатую божественных писаний книгохранительницу, овы убо мне книги многи в келью дая на исправление, овы же тамо многи, елико обретохом, люботрудне купно смотряхом, да обрящем правое и богу угодное. И елика возможна моему худому разуму, сия исправлях; а яже невозможна, сия оставлях, да имущие разум больше нас, тии исправят не исправленная и недостаточная наполнят»⁴. Список творений Дионисия Ареопагита, писанный в Ярославле в 1617 г. (Московской духовной академии), имеет такую жалобу писца: «Писал есмь с древняго и ветхаго переводу, справити было не с чего, книги такие в Ярославле не добыл»⁵. Итак, переписчики сличали переписываемый текст с другими его списками, обращали большое внимание на то, с какого оригинала они переписывают, отмечали его недостатки, ветхость, пропуски, отсутствие отдельных листов и тетрадей.

Проверка книг после переписки по тому или иному списку отмечена как обязательная даже для профессиональных переписчиков в постановлениях Стоглавого собора. Там сказано, чтобы писцы писали книги «с добрых переводов, да, написав, правили, потом же бы продавали»⁶.

В некоторых случаях книжник сам отмечал вставки из других списков или даже других произведений на ту же тему. Так, например, особо выделялись вставки в «Русском временнике»: «А се от иного летописца»⁷. Этим «иным летописцем» была Степенная книга⁸.

¹ Слово Феодора Студита конца XVI в., вклад вологодского архиепископа Ионы 1593 г.

² Апостол толковый 1603 г. Троицкой лавры.

³ Приписка в Каноннике 1616 г. Троицкой лавры № 281; писал писец Арсений Глухой.

⁴⁻⁵ Текст приписок привожу по книге: А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография. Изд. 2-е. СПб., 1908. С. 98–99.

⁶ Стоглав. Изд. Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1863. С. 96.

⁷ Ср., например, под 1521 г. вставку о нашествии татар: Русский временник, ч. II. М., 1820. С. 325–337.

⁸ Там же. С. 193–202.

О своих источниках и об обращении с ними древнерусские переписчики говорят неоднократно. Так, например, летописец, составлявший Синодальный список Псковской второй летописи, пишет под 6979 г., рассказывая о походе Ивана III на Новгород: «О сем аще хоцещи уведати, прошед Руский летописец вся си обрящещи. Мы же о нем же начахом, сиа и скажем от велика некая мала»¹. Последними словами летописец хотел сказать, что свой дополнительный источник он сокращал. О том же говорит летописец и под 6860 г.: «Бысть мор зол в Пскове, и по селом и по всей волости, хракотный; о сем пространне обрящещи написано в Руском летописци»².

Монах Комельского монастыря Пахомий, автор жития князей — братьев Константина и Василия Всеволодовичей прямо отмечает, на каком месте оканчиваются у него источники: «И сия дозде дошедше, и скончашася писания»³.

Конкретный текстологический материал убеждает, что работа по выверке текстов по различным рукописям производилась древнерусскими переписчиками сплошь и рядом; с возможностью такой работы текстолог обязан считаться в каждом отдельном случае. Явно сохранившиеся следы именно такого рода редакторской работы немалочисленны. Так, например, А. Н. Насонов убедительно показал, что Архивский список Псковской третьей летописи переписывался с дошедшего до нас Строевского списка и затем сверялся с подлинником, «о чем свидетельствуют поправки описок, сделанные на полях с помощью выносных знаков. Текст, по-видимому, сверялся как в процессе переписки, так и после нее: большинство поправок сделано тем же почерком и теми же чернилами, что и текст, часть же поправок сделана другим почерком и другими чернилами»⁴. Дальше А. Н. Насонов приводит текст этих правок, дающий, кстати сказать, очень яркие примеры описок древних писцов. Это — несомненные описки, так как нам известна и сама копия (Архивский список), и самый оригинал (Строевский список), — случай очень редкий, а кроме того, и что очень важно, писец явно воспринимал их как описки, так как в большинстве случаев сам же их поправил. Анализ этих поправок позволяет считать многое из того, что текстологи обычно сочли бы сознательным изменением текста, результатом случайных описок. Так, например, переписчик под 6831 г. вместо слов «тоа же весны» написал «тоя же осени», но, очевидно, заметив, сделал выносной знак и на полях написал «весны»; в известии 6915 г. вместо «месяца октября» переписчик написал «месяца апреля», но поставил выносной знак и на полях написал «октября» и т. д.

Иногда исправление по другой рукописи делается уже после того, как текст был переписан.

¹⁻² Псковские летописи, вып. 1. Подгот. к печати А. Н. Насонов. М.; Л., 1941. С. XLV.

³ С. *Серебрянский*. Древнерусские княжеские жития (обзор редакций и тексты). М., 1915. С. 236.

⁴ А. Н. *Насонов*. О списках псковских летописей. — Псковские летописи, вып. 1. С. XXXVI.

Так, рукопись творений Дионисия Ареопагита XVII в. имеет множество кропотливейших поправок и заметок. Писец ее пишет: «Переводы (оригиналы. — *Д. Л.*) промеж собою не сходятся, и сие не вемы, чего ради... Островский перевод не правлен; а сей писец молод был, много разума (смысла. — *Д. Л.*) и речей (слов. — *Д. Л.*) растерял в точках и запятых... А еже недописи в переводах, и то бывает от неискусных каллиграфов: написав книгу, да не потщится справити ея, и от того многими леты растлеваются и добрые переводы»¹. По существу можно считать, что такая правленная рукопись имеет два текста: исправленный и неисправленный. При подготовке текста к печати, при подборе разночтений текстолог обязан считать такой список за два, а иногда, если исправление велось неоднократно, то и за несколько.

Практически важно бывает установить — делались ли поправки в рукописи самим ее писцом или они делались кем-то другим; вносились ли они для исправления текста, казавшегося недостаточно точным, правильным или в чем-либо неясным по самому тексту, или для того чтобы восполнить лакуны, неясно читающиеся места (выцветшие, смытые, порванные и т. д.).

Текстолог по возможности должен уяснить себе цели книжника, вносившего дополнения или исправления, так же точно, как и самого писца. Человек — это интересы, психология, образование, склонности, идеология, а за человеком — общество должны и в данном случае стоять в центре интересов текстолога.

Работа переплетчика

От писца исписанные тетради поступают к переплетчику. Этим переплетчиком может быть сам писец рукописи или кто-то другой. Рукопись может переплетаться сразу же после написания и много времени спустя. Ветхий переплет рукописи может потребовать новой работы переплетчика². Переплетчик может перепутать тетради, потерять тетрадь или отдельные листы, он может вплести в рукопись отдельные листы не на свое место, может вплести оторвавшийся лист наружным краем внутрь и т. д.³ Иногда в уже переплетенную рукопись вставляются новые листы и тетради⁴. Все это в дальнейшей переписке может так или иначе отразиться на судьбе текста.

¹ *А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография. С. 99.*

² Отметим, что большинство переплетов рукописей, особенно древнейших, не современны самим рукописям.

³ Отметим, что чаще всего отрывались последние листы в рукописи. Это происходило потому, что книги хранили в древнерусских библиотеках положенными плашмя (а не поставленными на ребро, как это практикуется сейчас). Если рукопись не была еще переплетена, естественно, больше всего страдали именно последние листы рукописи. Они отрывались, и их обычно клали затем для сохранения в середину рукописи.

⁴ Ср. указание древних писцов: «А в готовую книгу в середку вставить тетрадь» (*П. Симоны. К истории обихода книгописца, переплетчика и иконного писца при книжном и иконном строении, вып. 1. СПб., 1906. С. 23).*